

Понимание и восприятие смерти на античном Боспоре

Красникова Екатерина Александровна

Студент

Белгородский государственный университет, исторический, Белгород, Россия

E-mail: malaja555@yandex.ru

Погребальные обряды древнейших обитателей северопонтийских стран указывают на их уверенность в загробном существовании и, вместе с тем, что в потусторонней жизни умерший сохраняет то общественное положение, которым он пользовался при жизни (Блаватский 1964, с. 15). Следует отметить, что на Боспоре надгробные рельефы и статуи, как и эпитафии (два основных источника по данной тематике) создавались *над* могилами, а не внутри них, в отличие, например, от древнего Египта: эпитафии, как и изображения на стелах, были созданы не для потустороннего мира, а для живых – как память об умерших, как выражение продолжающейся связи с ними.

Значительная часть эпитафий содержит в себе упоминание о загробном мире, что указывает на значимость этого вопроса для боспорцев. Насколько хорошо они представляли себе дальнейший путь души, судить сложно, из-за скудности информации. Представление о географии подземного мира и о поселении благочестивых покойников в отдельном, отведенном для них его месте, широко распространяется во II в. до н.э. и бытует примерно до II в. н.э. В основном подобные уточнения сводились к упоминанию Аида: «Гражданку Амиса, блистательную Клеопатру... похитил горестный Аид...» (124), «...ненавистный горестный Аид унес в подземный мрак...» (126); и Мойры: «...и твою мощь внезапно угасила Мойра» (123), «...скончался от убивающей всех по воле Мойр старости» (132).

На стенках саркофагов изображаются и персонажи мифа о Ниобидах. Они отражают понимание безусловной зависимости человеческой жизни от воли богов и соблюдения человеком принятых поведенческих норм, о связи мира земного с миром потусторонним. Изображение Ниобид на стенках саркофагов – это устойчивый элемент погребальной символики, воспринятый боспорянами и получивший в интерпретации местных мастеров оригинальное художественное значение (Жижина 2007, с. 20).

Большинство эпитафий делает акцент на уточнение обстоятельств смерти. Наиболее распространены описания ухода из жизни из-за болезни: «Алчная болезнь сгубила тебя, Калус...» (123); часто встречаются стелы погибших в бою: «Так умер ты от толпы неприятелей. Ведь и троянский Гектор пал среди передовых бойцов» (136).

Особо стоит отметить 121 эпитафию. Неординарность эпитафии Гекатея бросается в глаза: «Ты запечатлел славу мудрости не словом, а жизнью, познав сам священные решения. Итак, Гекатей, покоясь во цвете лет, знай, что ты сам скорее избежал круга мучительных страданий». Возможно, погребенный покончил жизнь самоубийством. По мнению Ю.Ю. Марти, стихотворная эпитафия более того намекает на безвременную трагичную кончину Гекатея, которой он добровольно содействовал, закрепив таким образом, за собой славу высшей мудрости не словом только, но и жизнью (Панченко 1992, с. 33). На наш взгляд, этот вывод вряд ли можно считать обоснованным. Славу мудрости Гекатей закрепил не добровольным уходом из жизни (прямого подтверждения чему в эпитафии, кстати, тоже нет), а познанием «священных решений».

Семантика надгробных рельефов также вызывает большой интерес. В ее расшифровке ученые видят взаимосвязь жизни умершего с потусторонним миром. На Боспоре развивались представления об умершем, как о герое. Апофеоз героя, прошедшего жизнь и даже преодолевшего смерть, что в итоге приносило полное блаженство вечного существования, художники показывали путем изображения загробных трапез, спокойно стоящих всадников, как бы ожидающих встречи с богиней, которая обеспечит им бессмертие (Зубарь, Русяева 2004, с. 197). Героизация умерших была не только ритуалом, в известной мере традиционным, она становится способом преодолеть скорбь, сохранить память внутри семьи в течение нескольких поколений (Денисова 1981, с. 104).

Еще один прием – маски (в особенности театральные) – своеобразный символ перевоплощения, которое предусматривает изменение не только внешности, но и внутренней сути ее носителя. Использование их в погребальном обряде знаменует переход умершего в новое состояние, в котором смерть является началом нового цикла бытия. (Финогенова 1990, с. 202).

Чтобы выразить свой замысел, передать чувства и настроения героев, ваятели применяли художественные приемы, допустимые канонами: это, прежде всего, композиционное решение, а также эффектная поза, жест, символика. Особое внимание мы обратили на изображение рук. Соединение рук символизирует не столько скорбь, сколько связь живого и умершего, осознание неизбежности ухода из жизни и память о покойном. Интересно, что в том случае, когда надгробие поставлено обоим умершим супругам, рукопожатие отсутствует, у мужа руки сложены, и супруги не смотрят друг на друга. Они уже разобщены – только живые помнят и страдают.

Среди надгробий первых веков н.э. наиболее многочисленны стелы с изображением женщины, которой, как правило, принадлежит основная роль в композиции. На боспорских стелах утвердился образ печальной женщины, в неизменной, так называемой, траурной позе: одна рука поднесена к лицу, другая – прижата к груди. В первую очередь, это сдержанность: в одиночных изображениях на стелах – головы, склоненные в грустной, но спокойной отрешенности от земного мира; женщины изображались иногда с атрибутами своих занятий, порой с зеркалом.

Одно из надгробий I в. до н.э. показывает воина, облокотившегося на щит, и сидящую рядом в кресле его сестру; сбоку маленькая фигура прислужницы с сосудом (Гайдукевич 1949, с. 236). У обоих одна из рук расположена возле лица, они как бы опираются на нее. Такая поза встречается неоднократно и позволяет передать грусть и некую задумчивость изображаемых. Во всех изображениях преобладающим выражением является не горе и страдание, а скорее нечто вроде религиозной печали и похоронной грусти.

Литература

1. Античная цивилизация / Под ред. В.Д. Блаватского. – М., 1973. – 269 с.
2. Блаватский В.Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII-V вв. до н.э.) // Советская археология. 1964. - №2. – С. 13-26.
3. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М.-Л.: изд. Акад. наук СССР, 1949. – 624 с.

4. Денисова В.И. Коропластика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). – Л., 1981. – 171 с.
5. Жижина Н.К. Гипсовый рельеф в погребальных памятниках европейского Боспора первых веков новой эры (по материалам коллекции Гос. Эрмитажа). Автореферат диссертации. – СПб., 2007. – 27 с.
6. Зубарь В.М., Русяева А.С. На берегах Боспора Киммерийского. – К.: ИД «Стилос», 2004. – 239 с.
7. Панченко Д.В. Эпитафия Гекатея (CIRB 121); Конфессия, философский топос или выбор пути? // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья – СПб., 1992. – С. 28-42.
8. Чистякова Н.А. От говорящей вещи – к говорящему автору (личность в греческой эпиграмме) // Проблемы античной истории и культуры (Доклады XIV международной конференции античников социалистических стран «ЭЙРЕНЕ») II. – Ереван, 1979. – С. 204-210.